

УДК 785(470.62)
С.В. АНИКИЕНКО

**КУПЕЦ 3-й ГИЛЬДИИ ПЕТР КРИВОНОСОВ,
КАПЕЛЬМЕЙСТЕР МУЗЫКАНТСКОГО ХОРА
ЧЕРНОМОРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА
(ИЗ МАТЕРИАЛОВ АРХИВОХРАНИЛИЩ)**

Аникиенко Сергей Викторович, кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыковедения, композиции и методики музыкального образования Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), anikienko1966@mail.ru

Аннотация. В статье на основе архивных материалов анализируются обстоятельства, предшествующие утверждению в 1844 г. купца 3-й гильдии П. Кривоносова руководителем оркестра Черноморского казачьего войска. Все документы впервые вводятся в научный оборот. Установлены новые факты. Также выявлено несоответствие некоторых фактов, указанных в известной работе И. Кияшко (1911) об истории Кубанских войсковых оркестра и хора.

Ключевые слова: войсковой оркестр Кубанского казачьего войска, П.Л. Кривоносов, история оркестрового исполнительства, архивные документы.

UDC 785(470.62)
S.V. ANIKIENKO

**THE 3rd GUILD MERCHANT PYOTR KRIVONOSOV AS THE BANDMASTER
OF THE BLACK SEA COSSACK ARMY MUSIC CHOIR
(FROM ARCHIVE MATERIALS)**

Anikienko Sergey Viktorovich, Candidate of Sciences in Art Criticism, Associate Professor of Department of Musicology, Composition and Methods of Music Education of Krasnodar State Institute of Culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), anikienko1966@mail.ru

Abstract. Based on archival materials, the article analyzes the circumstances that preceded the approval in 1844 by the head of the orchestra of the Black Sea Cossack army of the 3rd guild merchant Pyotr Krivonosov. All documents are first introduced into scientific use. The author established new facts, and also revealed a discrepancy of some facts indicated in the famous work by I. Kiyashko (1911), dedicated to the history of the Kuban military orchestra and choir.

Keywords: military orchestra of the Kuban Cossack army; Pyotr Krivonosov; history of orchestra performance; archival documents.

Зарождение и формирование профессиональной музыкальной культуры на Кубани неразрывно связано с деятельностью войскового оркестра. Созданный в феврале 1812 г.¹, он, несмотря на свою во многом прикладную деятельность, вплоть до 1860-х годов являлся единственным проводником музыкальной культуры в регионе. Сменив множество названий: музыкантский хор² (музыкальная капелла) Черноморского, а впоследствии Кубанского казачьего войска, войсковой, симфонический оркестр и др., – коллектив прекратил существование вместе с Кубанским казачьим войском, став симфоническим оркестром нового направления и утратив исконное значение в культурной жизни Юга России.

Первое научное исследование истории оркестра (на основе архивных документов) было опубликовано есаулом Кубанского казачьего войска И.И. Кияшко еще в 1911 г. [2]. Эти свидетельства составляют фактологическую канву немногочисленных современных работ [3; 4; 5, с. 42-54], посвященных становлению войскового оркестра. Другие авторы – А.А. Слепов [6, с. 59-73], Н.Г. Денисов и В.И. Лях [7, с. 183-193] – сосредотачиваются на деятельности коллектива после 1896 г.

¹ Отметим, что В.И. Тутунов [1, с. 117] ошибочно относил введение военного оркестра в Черноморском казачьем войске к 1804 г.

² Часто встречается непонимание принципиального различия между музыкантским хором (то есть оркестром) и певческим хором (вокальным коллективом), являвшимися *различными и независимыми друг от друга* музыкальными коллективами, изначально призванными решать разные задачи.

Документы Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва) и Государственного архива Краснодарского края (ГАКК, Краснодар) позволяют открыть новые страницы истории музыкальной культуры Кубани.

Известный кубанский музыкальный деятель П. Махровский в 1918 г. писал: «Факт немецкого и австрийского засилья руководителями и исполнителями в наших военных <...> оркестрах настолько общеизвестен, что о нем говорить не приходится. Да и местный войсковой оркестр во все времена своего свыше столетнего существования состоял <...> под руководством иностранцев <...>»³. Однако такое мнение противоречит истории оркестрового исполнительства в России и самого коллектива, руководителем которого Махровский в свое время являлся⁴.

Первое упоминание об употреблении музыкальных инструментов в русских войсках встречается еще в памятниках древнерусской литературы. Как отмечал В.И. Тутунов, «музыкальные инструменты не только были удобным средством оперативного управления войсками. Звуки музыки оказывали на воинов и эмоционально-психологическое воздействие; они воодушевляли, взбадривали воинов, а на противника действовали устрашающе» [1, с. 12].

Начало военным оркестровым единицам положили реформы Петра I. Первыми учителями, организовавшими их, стали иностранцы, наложившие определенный стиль на репертуар и технику исполнения.

Всю первую половину XIX века (до открытия Петербургской консерватории) подготовка капельмейстеров в России не проводилась. Отечественных музыкантов катастрофически не хватало, поэтому «военными дирижерами нередко работали иностранцы – чехи, австрийцы, немцы» [8, с. 122].

Ситуация изменилась только со второй половины XIX века. Достаточно вспомнить деятельность на посту инспектора военных хоров Морского ведомства Н.А. Римского-Корсакова, с присущей ему «дотошностью» выучившегося игре почти на всех военных инструментах, включая и такие труднейшие, как кларнет.

История Кубанского войскового оркестра во многом отразила все существовавшие в отечественном военно-музыкальном исполнительстве проблемы. Однако даже простой взгляд на список его капельмейстеров показывает, что «засилья», как писал Махровский, иностранных музыкантов в оркестре не было. Первым дирижером стал приглашенный из Москвы отставной майор Франц Цых. В дальнейшем войсковое правительство, «желая сократить большие расходы войска на жалованье вольным капельмейстерам» [2, с. 14], «выбрало» руководителя из наиболее способных музыкантов самого коллектива. Так, Павел Радионенко⁵ лишь в течение года учился у известного в то время музыканта и педагога И.М. Витковского в Харькове, но это позволило ему управлять оркестром в общей сложности свыше 25 лет (с 1826 по 1844 и с 1853 по 1862 гг.).

«Эпоха капельмейстеров-иностранцев» в оркестре, постоянно прерываемая русскими дирижерами, началась с 1862 г. У пюльта в разное время стояли чех Иван Галашек, Лоренц Китлер, Адольф Бауэр, итальянец Евгений Эспозито (при котором оркестр достиг своей славы и уровня симфонического коллектива) и грек Михаил Сиреньяно... Но были есаул Алексей Ясинский и хорунжий Диомид Крикун, пусть и не оставившие значительного следа в истории оркестра, Павел Махровский, Александр Орлов, в советскую эпоху ставший народным артистом СССР и первым руководителем оркестра Всесоюзного радиокомитета, и др.

Наверное, сегодня одним из самых удивительных кажется утверждение капельмейстером оркестра в 1844 г. купца 3-й гильдии города Богучар Воронежской губернии Петра Леонтьевича Кривоносова. Сразу уточним: в царской России это означало не род его деятельности, а сословие, к которому относились предки и родители. А жители городка в то время занимались «преимущественно закупкой рогатого скота в Земле Войска Донского и отправкой его в столичные города»⁶.

³ ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 92. Л. 2-2 об. Публикуется впервые. (Документ не подписан. Авторство установлено нами.)
Тексты всех используемых документов и изданий воспроизводятся в современной орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых лексических особенностей первоисточника.

⁴ П. Махровский был капельмейстером войскового оркестра с 21 ноября 1897 г. по 1 ноября 1898 г.

⁵ Фамилия воспроизводится по архивным документам (у И. Кияшко – Родионенко).

⁶ Вейнберг Л. Богучар // Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь. Т. 7. СПб., 1891. С. 205.

Сам музыкант, скорее всего, еще юношей покинул отчий дом и никакого отношения к торговле не имел. Архивные документы свидетельствуют, что к этому моменту ему было 38 лет, рост его составлял 2 аршина 6 вершков (1 м 69 см), волосы и брови были светлорусые, глаза голубые, бороды и усов не носил⁷.

Уже в 1824 г. (с 18 лет) Кривоносов руководил «инструментальной духовой музыкой» в поместье графа Орлова-Денисова (вероятно, одного из потомков героя Измаильского штурма, войскового атамана Донского казачьего войска В.П. Орлова) и занимался «обучением детей ... фортепьянную музыкою»⁸. Позже – руководил оркестром в усадьбе ротмистра Войска Донского Серебрякова. Последние годы он был «регентом при дворе Таганрогской церкви Его Императорского Величества»⁹: аттестат № 9288, поданный им при назначении на должность войскового регента в 1846 г., подтверждает, что Кривоносов «отправлял должность регента Таганрогской Дворцовой церкви с 1-го июля 1841 по 11 ноября 1843 года»¹⁰.

По всей вероятности, к моменту объявления Черноморским войсковым правлением «конкурса на замещение должностей капельмейстера и регента», Кривоносов практически остался не у дел, поэтому получить новое место было для него крайне необходимо. Этот факт во многом объясняет происшедшие позже события.

Формально поводом к одновременной смене руководителей и певческого, и инструментального коллективов на Кубани послужило утверждение 1 июля 1842 г. нового Положения о Черноморском казачьем войске¹¹. Согласно его штату № 6 в войсковых капеллах было назначено 2 капельмейстера¹², 36 певчих и 24 музыканта. При этом жалование капельмейстерам производилось по условиям, и каждый раз с разрешения Военного министра¹³.

Как писал И. Кияшко, «при введении новых штатов певчих было только 27 чел., а музыкантов 40 чел., следовательно, <...> музыкантов было сверх комплекта 16 человек. Вследствие этого было отдано приказание капельмейстеру сотнику Родионенко из числа музыкантов избрать в войсковую музыку штатное число – 24 чел., а остальные сверхкомплектные были распределены в трубачи <...>» [2, с. 21].

Однако истинные причины заключались в другом. 5 апреля 1843 г. регент войскового хора Матвей Пентюхов подал прошение об увольнении его от должности, и хор временно был поручен его помощнику Климу Белому. Капельмейстер же оркестра Павел Радионенко, «за нечаянное убийство из ружья артиллерии подпоручика Борисова»¹⁴, по решению командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанта В.И. Гурко, подлежал военному суду с отстранением от должности¹⁵. Вероятно, отсюда и встречающаяся в документах формулировка: «Капель войсковой духовой и инструментальной музыки поручена бывшему капельмейстеру сотнику Радионенко впредь до особого распоряжения»¹⁶.

Войсковое правление Черноморского казачьего войска оказалось в затруднительном положении. Для поиска новых руководителей коллективов был использован апробированный способ: командированному в Москву подполковнику Я.Г. Кухаренко¹⁷ 8 декабря 1843 г.¹⁸ было предписано «заботиться всеми мерами о подыскании хороших капельмейстеров» [2, с. 24].

⁷ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 61 об. Здесь и далее документы этого архивного фонда публикуются впервые.

⁸ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 84.

⁹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 60-60 об.

¹⁰ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 201.

¹¹ Вступило в действие 1 января 1843 г.

¹² По определению словаря Брокгауза и Эфрона, «капельмейстер – лицо, стоящее во главе капеллы, дирижирующее ею во время исполнения и разучивания с ней пьесы. Это название относится как к хоровому, так и к оркестровому дирижёру» (*Брокгауз Ф.А. Энциклопедический словарь. Т. 14. СПб., 1895. С. 360*).

¹³ РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Ед. хр. 5700. Л. 7 об. Здесь и далее документы этого архивного фонда публикуются впервые.

¹⁴ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 86.

¹⁵ И. Кияшко упоминает об этом вскользь и вне общего контекста (см.: [2, с. 38-39]).

¹⁶ РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Ед. хр. 5700. Л. 2.

¹⁷ *Кухаренко Яков Герасимович* (1800-1862), исправляющий должность начальника штаба и наказного атамана Черноморского казачьего войска (1852-1856 гг.), генерал-майор. Кухаренко поддерживал знакомство с Н. Костомаровым и дружил с Т. Шевченко. Известен как писатель; наиболее известное произведение – «Черноморский побитый на Кубань меж 1794 и 1896 роками» (1836), в котором обрисован быт кубанских казаков во время их заселения кубанской равнины. Это сочинение, переделанное М. Старицким и с музыкой Н. Лысенко, под заглавием «Черноморцы» продолжительное время ставилось на малороссийской сцене. Оно же легло в основу оперетты «Черноморский побитый» П. Махровского и А. Бигдая, поставленной Екатеринодарским кружком любителей музыки в 1896 г.

¹⁸ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 16.

Одновременно было принято решение оповестить всех желающих о приглашении капельмейстеров в Екатеринодар. Архивные документы позволяют проследить «вызревание» принципиально нового для руководства войска пути решения проблемы. Сохранились два черновых варианта Заключения войскового правления по этому вопросу¹⁹. Один из них предусматривал публикацию объявления «о вызове капельмейстеров к управлению войсковыми капеллами» «посредством всех Российской Империи губернских, областных и войсковых правлений, Азовского <неразб.>, канцелярию Таганрогского и Керчь-Еникальского градоначальников». Другая версия предполагала «припечатание повсеместно объявлений в Санкт-Петербургской и Московских типографиях».

Вероятно, правление остановило свой выбор на третьем, не зафиксированном в документах варианте. Кияшко пишет: «В начале 1844 года было сделано объявление в “С.-Петербургских Сенатских Ведомостях”» [2, с. 24]. Эта публикация нами не обнаружена, однако сам текст сохранился в делах войскового правления (выслан в типографии 8 февраля 1844 г.²⁰): «Объявление.

На основании 1-го примечания к штату № 6, приложенному при Высочайшем Положении о Черноморском казачьем войске 1 июля 1842 года, Черноморское войсковое правление вызывает капельмейстеров к управлению войсковыми капеллами: певческой и музыкальной, находящимися в г. Екатеринодаре. Желающие принять на себя эти обязанности имеют доставить о том в сие правление документы: о звании своем, науках и искусстве в своих обязанностях. По управлении сими капеллами жалованье имеет быть производимо по условиям»²¹.

На тот момент полный состав оркестра, игравший преимущественно на балах, состоял из струнной и духовой групп инструментов. Духовой состав оркестра использовался во время войсковых парадов.

Однако это был слабо подготовленный коллектив. Будущие музыканты набирались в него капельмейстером по собственному усмотрению из казаков войска, «имеющих способности», но никогда не державших в руках музыкальных инструментов. В сентябре 1843 г. в капелле числилось 11 казаков из Таманского куреня и 29 – из Екатеринодарского, которые «еще нового образования не получили»²², и распределения их в группу медных или деревянных духовых инструментов не производилось.

Помимо этого, в музыкантском хоре шла постоянная ротация кадров: выслужившие в оркестре 25 лет казаки отправлялись на льготу. Их заменять, как правило, было некому: мальчики и юноши предварительное обучение игре на музыкальных инструментах не проходили. Убыль состава шла и по естественным причинам. Сохранился интересный документ, направленный генералом Рашпилом в войсковое правление: «По донесении капельмейстера войсковой капеллы музыкантов <...> о неспособности к дальнейшему продолжению службы в капеллы музыканта урядника Зенченка, урядник сей бы подвергаем медицинскому освидетельствованию в войсковом дежурстве, по коему оказался неспособным к прохождению настоящей и далее службы, почему причислен во внутреннюю при войске службу <...>»²³.

Новое штатное расписание предусматривало музыкантский хор в составе: **литаврист – 1**, кларнетистов – 5, флейтист – 1, фаготистов – 3, валторнистов – 2, тромбонистов – 2, трубачей – 2, скрипачей – 6, сартинистов – 1 и 1 младший кларнетист [2, с. 22]. Кроме этого войску полагались трубачи в конных полках и горнисты в пеших батальонах (уже обученные горнисты вместе с барабанщиками были присланы из «образцового полка»).

Поэтому к новому капельмейстеру войсковое правление выдвигало ряд требований (так называемые «условия»). При этом войсковое правление и Я. Кухаренко видели стоящие перед новым руководителем оркестра задачи по-разному. Приоритетом служило обучение игре на инструментах казаков-оркестрантов и выучка всем кавалерийским сигналам и маршам трубачей в конных полках. Однако Кухаренко, один из образованнейших представителей казачества того времени, считал, что певцы и музыканты не должны находиться в отрыве друг от друга. Поэтому, по его мнению, игре на музыкальных инструментах должны были обучаться и певчие хора «для совершенного познания музыки». Кроме этого, капельмейстер обязан был подготовить себе помощников, которые «могли бы способствовать к успешнейшему доведению сих

¹⁹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 14-14 об.

²⁰ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 16.

²¹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 18.

²² ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 37.

²³ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 179-179 об.

частей до степени совершенства»²⁴. Для войскового же правления эти вопросы не имели большого значения.

Подполковник Кухаренко в Москве провел большую работу по поиску капельмейстеров. В этом ему оказал содействие музыкальный мастер Владимир Орлов, у которого не раз уже приобретались инструменты для музыкантского хора. 1 марта 1844 г. Кухаренко докладывал в Екатеринодар: «<...> я всемерно старался разыскать в городе Москве капельмейстеров для войсковой вокальной и инструментальной музык; но способнейшие для сих обязанностей артисты имеют уже места, которых по выгоде от лиц, их и договоривших, оставить не решились, о прочих, находившихся праздными капельмейстерах я, по совету знатоков, вполне имевших об их искусстве сведения, нанимать не решился»²⁵. Тем не менее, ему были рекомендованы некоторые военные дирижеры, с которыми Кухаренко «вошел в переписку».

В. Фролкин [4, с. 10] утверждал, что на предложение Кухаренко никто не откликнулся. Однако сохранились письмо капельмейстера Драгунского Его Высочества принца Эмилия Гессенского полка, базировавшегося в г. Курске, Осипа Ивановича Миллера (датировано 30 марта 1844 г.), в котором тот выражает согласие принять на себя обязанности «капельмейстера для обучения всех хоров: духового, инструментального и медного трубаческого»²⁶, и подписанное им же Условие, составленное Кухаренко²⁷.

Полученный в канцелярии Черноморского войскового правления 4 августа 1844 г. последний документ уже не мог оказать влияния на выбор нового руководителя войскового оркестра.

12 мая прошение на должность капельмейстера обоих хоров (певческого и музыкантского) в войсковое правление подает купец 3-й гильдии Петр Кривонос. Но «войсковой певческий хор предполагается уже к отдаче в заведывание другого лица»²⁸ (генерал Г.А. Рашпилев поручил эту обязанность священнику Гавриилу Донецкому), и Кривонос станет регентом хора только два года спустя, в 1846 г.

Контракт²⁹ был подписан 19 мая 1844 г. в присутствии Начальника штаба войска генерала Рашпиля, войскового прокурора и ряда чиновников войскового правления.

Обращает на себя внимание некоторое расхождение в составе оркестра, утвержденного по штату, и тем инструментарием, с которым необходимо было работать Кривоносову в соответствии с контрактом. Так, новый капельмейстер обязывался обучать музыкантов игре на «скрипках, альтях, виолончелях, контрабасе, кларнетах, флейтах, валторнах, трубах, тромбонах, фаготах, серпанах, барабанах и прочем инструменте, какой к музыке необходимо будет нужен»³⁰.

При подписании контракта камнем преткновения между сторонами стал вопрос о жалованье капельмейстера: правление пыталось сэкономить войсковые деньги. Остановившись на сумме в 1000 рублей серебром в год, Кривонос сумел добиться доплаты на наем квартиры, ее отопление и освещение в размере 115 рублей ежегодно. Войсковое правление сочло этот контракт выгодным и сумму умеренной³¹, о чем временно-командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту Н.С. Завадовскому был направлен соответствующий рапорт.

Заметим, что в это же время в оркестре Войска Донского жалование капельмейстера составляло 1400 рублей серебром в год; в эту сумму входило обучение трубачей Лейб-Гвардии казачьего, Атаманского Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича, учебного казачьего полков и конно-артиллерийской бригады³².

На этом основании Военное министерство сочло возможным вменить в обязанности нового капельмейстера музыкантского хора Черноморского казачьего войска не предусмотренное изначально контрактом обучение назначенных по штату войска трубачей, барабанщиков и

²⁴ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 38.

²⁵ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 36-36 об.

²⁶ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 88.

²⁷ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 95 об.

²⁸ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 68.

²⁹ Примечательно, что в документе *впервые* дважды использовано слово «оркестр».

³⁰ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 75.

³¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Ед. хр. 5700. Л. 2 об.

³² РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Ед. хр. 5700. Л. 8.

горнистов Лейб-Гвардии Черноморского дивизиона³³, полковых батальонов и конноартиллерийской бригады – всего 164 человека³⁴.

При этом, как говорилось в письме Департамента военных поселений от 20 июня 1844 г., «г-н Военный министр приказать изволил предварительно удостовериться, будет ли Кривонос в состоянии обучать хоры и, в особенности, трубачей»³⁵.

Решение военного ведомства открывало новую страницу в музыкально-образовательной деятельности оркестра – обучение музыкантов регулярных войск.

Последующие события в работе И. Кияшко замолчаны. Как следует из рапорта на имя генерала Рашпиля, вызванный 8 августа в Черноморское войсковое правление из Таганрога, где он постоянно проживал, Кривонос, в присутствии всего правления, *категорически* отказался обучать дополнительных музыкантов³⁶. Начальство Черноморского войска, включив «административный» механизм, сразу же обратилось в полицию Таганрога, «в ведомстве которой он имел пребывание»³⁷, «о истребовании [у Кривоносова на бумаге] особо удостоверения, в состоянии ли он обучать хора, и в особенности трубачей?»³⁸.

В результате Таганрогская градская полиция, «отобрав от проживающего в городе Таганроге Воронежской губернии города Богучара 3-й гильдии купца Петра Кривоносова отзыв о желании обучать трубачей, горнистов и барабанщиков»³⁹, выслала его в Екатеринодар, а некоторое время спустя документ был в Военном министерстве⁴⁰:

«20 сентября [1844 г.]

В Таганрогскую градскую полицию
проживающего в городе Таганроге
Воронежской губернии города Богучара
3 гильдии купца Петра Кривоносова.

Отзыв.

На предъявленное мне отношение Черноморского войскового правления, в оную градскую полицию последовавшее, относительно отобрания от меня сведения, в состоянии ли я буду по Положению, 1-го июля 1842 года о Черноморском войске Высочайше утвержденному, обучать в одном дивизионе Лейб-Гвардии трубачей 6, двенадцати конных полках трубачей 136, девяти конных батальонах барабанщиков 81, горнистов 81 и конноартиллерийской бригады трубачей 13, барабанщиков 2. Всего трубачей 155, барабанщиков 83 и горнистов 81 и особо удостоверение в состоянии ли я обучать и в особенности трубачей, с положением мне за сие в год жалованья 1115 рублей серебром, сим честь имею отозваться, что я на все сии предложения изъявляю свое согласие, почему и прошу покорнейше градскую полицию сей мой отзыв представить на благоусмотрение куда следует. К сему отзыву Богучарский 3-й гильдии купец *Петр Кривонос*»⁴¹.

6 ноября 1844 г. Военный министр разрешил выплачивать Кривоносову за обучение войсковой музыкальной капели Черноморского казачьего войска в течение пяти лет по 1115 рублей серебром в год с тем условием, что тот станет обучать и назначенных по штату Черноморского казачьего войска трубачей, барабанщиков и горнистов Лейб-Гвардии Черноморского дивизиона, полковых, батальонных и конноартиллерийской бригады⁴².

³³ Это воинское соединение было сформировано по Положению о Черноморском казачьем войске от 1 июля 1842 г. (см.: ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 650. Л. 14).

³⁴ В Справке Департамента военных поселений говорится: «В Черноморском казачьем войске находится: один дивизион Лейб-Гвардии, двенадцать конных полков, девять пеших батальонов и одна конноартиллерийская бригада. В них состоит: трубачей: в дивизионе – 6, в полках – 156; конноартиллерийской бригаде – 13, [всего] 175; барабанщиков и горнистов: в батальонах – 162, конноартиллерийской бригаде – 2, [итого] 164. (Барабанщики и горнисты назначаются из регулярных войск, а трубачи из казачьих)» (РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Ед. хр. 5700. Л. 6 об.-7).

³⁵ РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Ед. хр. 5700. Л. 9-9 об.

³⁶ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 107.

³⁷ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 314 об.

³⁸ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 107.

³⁹ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 108.

⁴⁰ В архивных документах явная путаница с датой этого отзыва Кривоносова. Так, ответ Таганрогской полиции датирован 15 сентября (ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 108); в Докладной записке общему присутствию Войскового правления Черноморского казачьего войска от 16 декабря 1844 г. (Там же. Л. 135) указана дата 6 сентября 1844 г.

⁴¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Ед. хр. 5700. Л. 11-11 об.; ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 109-109 об.

⁴² ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 132.

В результате в контракте, который изначально «должен быть сохранен во всей его силе свято и ненарушимо»⁴³, появилась дописка: «Сверх сего, согласно разрешения господина Военного министра, я, Кривонос, обязываюсь обучать и назначенных по штату Черноморского войска трубачей, барабанщиков и горнистов Лейб-Гвардии Черноморского дивизиона полковых, батальонных и конноартиллерийской бригады»⁴⁴.

Согласно архивным документам, 16 декабря 1844 г., «заведывающему ныне войсковою инструментальною музыкою есаулу Радионенку и 3-й гильдии купцу Воронежской губернии города Богучара Кривоносову, <...> первому, находящимся в заведывании его, людей капель составляющих, с войсковым инструментом сдать по описи, ему, последнему, а Кривоносову, <...> согласно заключенному им с войсковым правлением контракту, принять в свое ведение по описи»⁴⁵. С этой даты Петр Леонтьевич Кривонос официально вступил в должность капельмейстера музыкантского хора Черноморского казачьего войска.

Подводя итог сказанному, отметим, что впервые опробованный войсковою канцелярией способ приглашения руководителей войсковых музыкальных коллективов через широкое оповещение в средствах массовой информации впоследствии стал традиционным и позволил, с одной стороны, существенно экономить войсковые средства, а с другой – сократить время поиска потенциальных претендентов на эти должности.

В ходе исследования нами были выявлены и проанализированы причины и обстоятельства утверждения П. Кривоносова капельмейстером оркестра в историческом контексте и установлены неизвестные ранее факты: возраст Кривоносова на момент утверждения капельмейстером (38-39 лет), его отчество (Леонтьевич). Также установлена точная дата вступления Кривоносова в должность войскового капельмейстера: 16 декабря 1844 г. (а не 19 мая, как указано у И. Кияшко).

В ходе исследования подтвердилась гипотеза, что информация в работе И. Кияшко «Войсковые певческий и музыкантский хоры Кубанского казачьего войска 1811-1911 годы» [2] об утверждении в 1844 г. капельмейстером войскового оркестра П. Кривоносова основана на подлинных архивных документах, до сих пор хранящихся в фондах ГАКК. Однако в ней опущены некоторые обстоятельства (не говорится о причинах замены капельмейстера и наличии других претендентов на эту должность, умалчивается о первоначальном отказе Кривоносова обучать полковых музыкантов) и содержится ряд неточностей (в частности, неверно указана дата вступления Кривоносова в должность).

Таким образом, с приходом П. Кривоносова на должность войскового капельмейстера можно говорить о начале нового этапа не только в деятельности оркестра Черноморского казачьего войска, но и музыкальной культуры Кубани в целом. Предложенная «сверху», из министерских кабинетов, и встреченная непониманием «внизу», у капельмейстера, идея усиления обучающей функции руководителя музыкантского хора стала первым камнем в фундамент будущей системы музыкального образования в регионе.

Литература

1. Тутунов В. История военной музыки России. М., 2005.
2. Кияшко И. Войсковые певческий и музыкантский хоры Кубанского казачьего войска 1811-1911 годы. Исторический очерк столетия их существования. Екатеринодар, 1911.
3. Слепов А. Войсковой музыкантский хор // Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 90-92.
4. Фролкин В. Кубанский симфонический оркестр (1812-2002). Краснодар, 2003.
5. Арутюнов В. Формирование системы профессиональной подготовки оркестрового дирижера на Кубани: дис. ... канд. искусствоведения. Ростов н/Д., 2017.
6. Слепов А., Еременко С. Музыка и музыканты Екатеринодара. [Краснодар], [2005]. С. 59-73.
7. Денисов Н., Лях В. Художественная культура Кубани. Краснодар, 2000.
8. Батагова Т. Военный оркестр как фактор развития российской провинциальной музыкальной культуры: на примере оркестра Терского казачьего войска // Вестник МГУКИ. 2016. № 5 (73). С. 121-127.

References

1. Tutunov V. Istoriya voyennoy muzyki Rossii [History of Russian military music]. Moscow, 2005.
2. Kiyashko I. Voyskovyye pevcheskiy i muzykantskiy khory Kubanskogo kazachyego voyska 1811-1911 gody [The military singing and music choirs of the Kuban Cossack army 1811-1911]. Ekaterinodar, 1911.

⁴³ РГВИА. Ф. 405. Оп. 6. Ед. хр. 5700. Л.4; ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 76 об.

⁴⁴ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 76 об.

⁴⁵ ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 207. Л. 138.

3. Slepov A. Army musician's chorus // Entsiklopedicheskiy slovar po istorii Kubani s drevneyshikh vremen do oktyabrya 1917 goda [Encyclopedic dictionary on the history of the Kuban from ancient times to October 1917]. Krasnodar, 1997.
4. *Frolkin V.* Kubanskiy simfonicheskiy orkestr (1812-2002) [Kuban symphony orchestra (1812-2002)]. Krasnodar, 2003.
5. *Arutyunov V.* Formation of a vocational training system for an orchestral conductor in the Kuban: dis. ... Cand. of Sciences in Art Criticism. Rostov-on-Don, 2017.
6. *Slepov A., Erotenko S.* Muzyka i muzykanty Ekaterinodara [Music and musicians of Ekaterinodar]. Krasnodar, 2005.
7. *Denisov N., Lyakh V.* Khudozhestvennaya kultura Kubani [The art culture of the Kuban]. Krasnodar, 2000.
8. *Batagova T.* Military Orchestra as Factor of Development of the Russian Provincial Musical Culture: on the Example of Orchestra of Tersky Cossack Army // Vestnik MGUKI. 2016. № 5 (73).

УДК 78

Е.В. ПОКЛАДОВА, А.А. ЛУКЪЯНОВА

**РАЗВИТИЕ ГЛАВНЫХ ДРАМАТУРГИЧЕСКИХ ЛИНИЙ В ЛАЙТ-ОПЕРЕ
А. ПАНТЫКИНА «ГОГОЛЬ. ЧИЧИКОВ. ДУШИ»**

Покладова Елена Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры музыковедения, композиции и методики музыкального образования Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), pokladova-lena@mail.ru

Лукьянова Анастасия Александровна, магистрант Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. им. 40-летия Победы, 33), laguten1993@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям музыкальной драматургии лайт-оперы А. Пантыкина «Гоголь. Чичиков. Души». В процессе анализа драматургических линий авторы выявляют основные ее составляющие, обусловленные новаторской интерпретацией поэмы Н.В. Гоголя.

Ключевые слова: А. Пантыкин, опера, оперетта, мюзикл, драматургия.

UDC 78

E.V. POKLADOVA, A.A. LUKYANOVA

**DEVELOPMENT OF THE MAIN DRAMA LINES
IN LITE-OPERA «GOGOL. CHICHIKOV. SOULS» BY A. PANTYKIN**

Pokladova Elena Victorova, Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor of the Department of Musicology, Composition and Methods of Musical Education of the Krasnodar State Institute of Culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), pokladova-lena@mail.ru

Lukyanova Anastasia Alexandrovna, Master Student of the Krasnodar State Institute of Culture (33, im. 40-letiya Pobedy st., Krasnodar), laguten1993@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the features of the musical drama light-opera «Gogol. Chichikov. Souls» by A. Pantykin. During the analysis of drama lines, the authors identify the main components of it, due to the innovative interpretation of the poem by N.V. Gogol.

Keywords: A. Pantykin, opera, operetta, musical, dramaturgy.

Александр Пантыкин – современный российский композитор, автор вокальных, инструментальных, симфонических и музыкально-театральных произведений. Широкой публике хорошо известна его музыка для кино – в течение ряда лет композитор работал в содружестве со многими режиссерами, в числе которых А. Сурикова, В. Хотиненко, Д. Астрахан. Интересно, что композитор известен также как рок-музыкант. Однако одной из самых интересных страниц творчества А. Пантыкина является сегодня музыкальный театр.